

УДК 141

DOI: 10.18101/2306-630X-2018-1-3-15

ЕВРАЗИЙСТВО¹

© Люкс Леонид

доктор философских наук, профессор,
Католический университет
Германия, 85072, ул. Остенштрабе, 26
E-mail: leonid.luks@ku-eichstaett.de

В статье рассматриваются проблемы евразийства, его истоки, генезис, пути развития. Отмечается, что оригинальной чертой евразийства был особый акцент на азиатском компоненте России, предлагалось пересмотреть традиционный взгляд на татаро-монгольское иго, отрицалась роль России как европейской державы, Запад подвергался обвинениям в эгоизме, в отставании суверенных прав личности, идеализировалась Древняя Русь. В то же время утверждается, что были критики идей евразийства. Многие известные русские интеллигенты утверждали, что европеизм и азиатское начало — это две составные части России, что сближение ее с Западом уберегло русскую культуру от полного застоя: без импульсов Запада были бы немислимы культурные достижения России XIX в. Анализируется отношение представителей евразийства к революции, большевизму, социалистическому строительству. Раскрываются причины крушения евразийского движения, которые коренятся в триумфе тоталитарных диктатур и великорусского шовинизма. В заключение отмечается, что вопреки ожиданиям евразийцев послереволюционная Россия в культурном отношении обратилась не к Востоку, а к ценностям, заимствованным в западной культуре.

Ключевые слова: евразийство; Россия; Восток; запад; культура; эмиграция; революция; славянофильство; большевики; Трубецкой; идеократия.

К числу наиболее интересных и самобытных течений русской мысли послереволюционных лет принадлежит евразийство или евразийское движение, оформившееся в 1921 г. в эмиграции. Этому движению предсказывали большое будущее: темы, выдвинутые евразийцами, подробно обсуждались в русской зарубежной печати. Евразийцы развили бурную публицистическую деятельность и выпускали, особенно в 1920-х гг., много книг и периодических изданий. Однако во второй половине 1930-х гг. это движение, поначалу взбудоражившее умы, распалось.

Интерес к евразийству возродился лишь спустя три десятилетия, чему в большой мере способствовала монография мюнхенского историка О. Бесса (1961 г.). Несколько статей на эту тему опубликовал Н. Рязановский, небольшие главы в своих исследованиях по истории русской общественной мысли и русской эмиграции посвятил евразийцам В. Зеньковский, С. В. Утехин, Р. Уильяме, Г. Струве и М. Агурский. Наконец, в 1982 и 1985 гг. появились две работы Ч. Гальперина. Судя по некоторым признакам, евразийские идеи оживают.

¹ Статья была ранее опубликована: Люкс Л. Евразийство / пер. с нем. Н. Бурихина // Вопросы философии. 1993. № 6.

В отличие от большинства эмигрантов — беженцев из России, воспринимавших русскую катастрофу только как катастрофу, идеологи евразийства видели в трагедии революции и гражданской войны глубокий исторический смысл. Им казалось, что неслыханные испытания, выпавшие на долю России, ставят ее решительно выше Западной Европы. Урок мировой войны, говорили они, прошел для Европы даром: европейцам очень быстро удалось залатать старый мир, замаскировать открывшуюся бездну. Лишь благодаря русской революции трагедия общеевропейской войны получила подобающее ей трагическое завершение. Двойная катастрофа — война и революция — ставит русских на новую, более высокую ступень исторического сознания. Это восприятие катастрофы вызвало у выброшенных на чужбину противников большевизма чувство превосходства по отношению к странам, которые их приютили.

Но евразийцы апеллировали не только к чувствам. Привлекательность их доктрины состояла единстве завораживающей эмоциональности с научностью. В разработке евразийской идеологии приняли участие этнографы, историки, географы, философы, богословы, правоведы. В этом отношении евразийство выгодно отличалось от большинства идеологий, возникших в Европе между двумя мировыми войнами. Над ним трудились не самостоятельные историки и политические дилетанты, а люди научного склада мысли, владевшие искусством проницательного анализа и ясной аргументации. Вот почему не так легко было опровергнуть их теоретические построения, хотя они и вызывали негодование в некоторых кругах эмиграции.

Оригинальной идеей евразийства был особый акцент, который ставился на Азии, азиатском компоненте России. Начиная с Петра I, Россия неустанно боролась за признание ее европейской державой. Западная общественность реагировала на эти усилия, как правило, скептически. Считалось, что Россия в Европе — некое чужеродное тело, что, несмотря на поверхностную европеизацию, она остается по сути азиатской страной: «европейское» отождествлялось с «западным», и тот факт, что у Европы также есть свой Восток, чаще всего не принимался во внимание. Русские авторы по большей части безуспешно протестовали против такого усечения понятия Европы. Революция подлила масла в огонь, обновив эти представления. Немецкий социолог и культуролог А. Вебер писал в 1925 г. о том, что большевистская власть привела к реазиатизации России. Лишь по недоразумению эта страна примкнула на какое-то время к сообществу европейских наций, покидая Европу, она возвращается к самой себе.

«Да, вот именно!» — отвечали евразийцы. Западноевропейскому изоляционизму они противопоставили столь же категорически выраженный восточный изоляционизм. Евразийцы считали, что России нечего делать по другую сторону, и лучше захлопнуть окно на Запад, сотворенное Петром. Первый сборник трудов, излагавших доктрину евразийства, носил программное название «Исход к Востоку». Он вышел в Софии в 1921 г.

Предлагалось пересмотреть традиционные воззрения, касавшиеся ига, чья история охватила два с половиной века русской истории. Не Киевская Русь, а монгольская феодальная империя — вот истинный предшественник Российского государства. Киевская Русь, указывал Н. Трубецкой, занимала лишь часть нынешней территории России, тогда как Золотая Орда примерно соответствовала всей этой территории. Чингисхан стоит у истоков грандиозной идеи единства и

суверенитета Евразии, киевская же «идея» представляется Трубецкому провинциальной. Порабощенный русский народ воспринимал монгольское завоевание как иго, но не мог долго противиться очарованию всемирного царства. Эту идею переняло у татар в XVI в. Московское великое княжество.

Хотя эта новая оценка татарского государства учитывала не только исторические, но и современные аспекты, дискуссия вокруг нее занимала в основном ученых. Куда больше волновала широкую публику другая идея евразийцев — анализ революции. Пожалуй, по своей радикальности эта критика превосходила все, что доселе было сказано на эту тему в русской публицистике, историографии и философии.

Идею европейского превосходства, заимствованную европейцами у Древнего Рима, евразийцы рассматривали как своего рода бич человечества, как главный источник кризисов XX в. «Самоуверенность европейцев настолько сильна, что она распространилась и на многие другие, неевропейские народы», — писал Трубецкой в своей книге «Европа и человечество» (София, 1920): образованные слои этих народов стали оценивать свою самобытную культуру по европейским меркам, и это вызвало у них комплекс неполноценности. Сознание собственной отсталости побуждает неевропейцев перепрыгивать необходимые ступени развития, пожирает все их силы и еще больше отчуждает от собственных традиций. В одном из писем Р. Якобсону, товарищу Н. С. Трубецкого по основанной ими Пражскому лингвистическому кружку, автор «Европы и человечества» пояснял, что эта книга (которую можно назвать манифестом евразийства) задумана как первая часть трилогии. Если здесь он сосредоточился на полемике с высокомерно-эгоцентрическим и абсолютистским национализмом романских и германских народов, то продолжение своего труда он намерен посвятить другому, «подлинному национализму».

Вторая и третья части трилогии Трубецкого вышли в сокращенном виде как статьи в уже упоминавшемся сборнике «Исход к Востоку». Подлинный национализм, по мысли автора, это такой национализм, которому чужды национальное тщеславие и нетерпимость по отношению к другим культурам. Преодоление стереотипов «ложного», западноевропейского национального мышления — залог гармонического сосуществования народов. Эти рассуждения напоминают романтический национализм в Европе до революции 1848 г. Романтики рисовали картину грядущей гармонии, у которой был только один враг — европейские династии. Как известно, 1848 г. и последующая эволюция национализма принесли большие разочарования.

Если Шпенглер предсказывал близкий конец западноевропейской культуры и цивилизации, то для Трубецкого конец гегемонии Европы был отнюдь не очевиден. На это отличие редко обращают внимание в литературе. Трубецкой опасался, что триумфальное шествие Европы в мире будет продолжаться и впредь, ибо народы все больше подпадают под коварное очарование европейской культуры. Ни в духовном, ни в политическом отношении господство Европы непоколебимо. Даже большевистская Россия, по мнению Трубецкого, становится все более зависимой от Европы. Эту зависимость не могла бы устранить мировая социалистическая революция, о которой мечтают большевики, ибо тогда Россия оказалась бы в колониальной зависимости от более «прогрессивных» социали-

стических стран Запада (мысль о том, что победа революции в передовых странах Запада вновь оттеснит Россию на задний план, встречается у Ленина). Единственную возможность обрести самостоятельность автор «Европы и человечества» видит в тесном сближении с освободительным движением колониальных стран. Будущее России, следовательно, не в том, чтобы возродиться в качестве европейской державы, а в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение.

Здесь обнаруживается удивительное сходство взглядов Трубецкого с советской геополитической концепцией, какой она складывалась после революции: Россия — центральная сила, противостоящая капиталистическому Западу. В обоих случаях предполагалось, что колониальные народы будут рассматривать Россию как себе подобную, неевропейскую, угнетенную и поднимающуюся нацию, которая не хочет иметь ничего общего с эксплуататорской Россией. Это предположение оказалось ложным. Для большинства незападных стран Россия по-прежнему осталась европейской имперской, державой. Обнаружилось, что не так легко порвать с Европой, как это представлялось и большевикам, и Николаю Трубецкому.

Отрицание роли России как европейской державы означало, что евразийцы внесли новый элемент в традиционную тему русской историософии. Этот новый элемент соответствовал революционному характеру эпохи. В старой России редко высказывались мнения подобного рода.

Более традиционными были обвинения в другом роде, например, тезис о западном эгоизме, о присущем европейскому человеку одностороннем и индивидуалистическом стремлении отстаивать собственные, личные права. Историк и правовед Н. Алексеев подчеркивал, что борьбой за суверенные права личности пронизана вся европейская история. По мнению С. Бохан, начиная с XIX в. этот эгоистический принцип распространился и на европейские нации, которые стали чем-то вроде исполинских индивидуумов, сражающихся за свои выгоды, свои права и прерогативы. Этому раздираемому распрями Западу идеологи евразийства противопоставляли гармоничный образ Древней Руси, осененной православием. Основа православного мироустройства — не борьба личности за свои права, вообще не самодовлеющая личность, а братская любовь и солидарность людей. Что и сообщало древнерусскому обществу беспримерную однородность.

Нет надобности разъяснять, что такое идеализированное изображение Руси, почти слово в слово переписанное у славянофилов, при ближайшем рассмотрении оказывается несостоятельным. Напряженность социальных отношений и многочисленные крестьянские восстания в допетровской Руси указывают на то, что древнерусское общество ни в коей мере не было воплощением исторического идеала. Тем не менее, эти представления содержали долю истины. Описанный идеал был важной составной частью политической доктрины Московской Руси [1]. Это не могло не отразиться и на социально-политической деятельности. К восхвалению автономной личности, начавшемуся на Западе с наступлением Нового времени, а в России с самого начала относились отрицательно, видя в этом выражение человеческой гордыни. Уравнение индивидуума и общества и проистекающие отсюда требования одиночки к обществу ради обретения все больших прав для себя воспринимались в России как нечто безнравственное.

В России государственная власть никогда не отказывалась от прерогативы диктовать нравственные нормы обществу и отдельному человеку: свобода совести в западном смысле всегда была более или менее ущемлена. Здесь не мог развиваться независимый общественный плюрализм, ставший предпосылкой западного индивидуализма.

Этот приоритет государства с его притязаниями на улаживание всех социальных конфликтов и осуществление общественной гармонии сохранялся и в послепетровской, и само собой разумеется, в послереволюционной России. Можно заметить, что представление о государстве как залоге всеобщей гармонии широко распространено в русском обществе и по сей день. Вот почему выступления против государства следует понимать не только как протест против государственного вмешательства во все сферы жизни. Очень часто он был вызван тем, что государство не справлялось с этой задачей.

Вызов евразийства был встречен русской зарубежной общественностью по-разному. Представители старой интеллигенции, считавшие спор между западниками и славянофилами достоянием прошлого, крайне резко критиковали евразийцев. Полемика развернулась главным образом на страницах журналов «Путь» и «Современные записки» (Париж).

Среди критиков евразийства нужно назвать в первую очередь авторов, продолжавших развивать в эмиграции идеи русского религиозного возрождения начала века. Ф. Степун писал в 1924 г. в «Современных записках» о том, что нельзя представлять себе Европу и Азию в виде двух квартир, где попеременно проживает Россия: европеизм и азиатское начало — это две составные части сущности России. Ни одной из них мы не вправе пренебречь, ни от одной не в силах убежать. Н. Бердяев возражал против постулата, будто какая-либо культура, например, западная, может стать предпочтительным носителем зла. Христианство не допускает географического разделения добра и зла. С другой стороны, Бердяев упрекал евразийцев в недооценке универсальности православия. Евразийство в глазах Бердяева было проповедью культурного изоляционизма и партикуляризма.

Не менее активно полемизировали с евразийцами и такие авторы, как литературовед Бицилли и богослов Флоровский. Оба они вначале примыкали к евразийскому движению, но затем порвали с ним. К 1925 г. относятся выступления Бицилли против Л. Карсавина, одного из наиболее блестящих умов в лагере евразийства. Для Карсавина католицизм как одна из основ западного мирозерцания был своего рода ересью. В таком случае, возразил Бицилли, мы должны считать еретиками Франциска Ассизского и Паскаля.

Было бы, однако, странно, если бы радикальная антизападная программа евразийцев вызывала только негативные отклики. Вызов, брошенный западноевропейской цивилизации и культуре, прозвучал непосредственно после окончательного поражения белых армий. Это поражение противников большевистского режима многие эмигранты объясняли недостаточной поддержкой и непоследовательным поведением западных держав. Отношение союзников к участникам разбитого Белого движения, бежавшим за границу, оскорбляло русских. К этому нужно прибавить тяготы изгнания, унижительную нужду, трудности адаптации в чужой и не слишком благорасположенной среде. Понятно, что все это не могло

не служить психологическим фоном для дебатов о России и Европе. Как заметил однажды Степун, заимствованные на Западе республиканские и социалистические идеи привели Россию к беспримерному унижению: пережив такой опыт, почти невозможно противостоять евразийским настроениям. Не будучи сторонником евразийства, Степун предсказывал ему большое будущее, полагая, что евразийские идеи отвечают духу времени. Но этот дух, по мнению Степуна, всегда отстает от реальной действительности, поэтому евразийцы — Трубецкой, Савицкий и другие — не замечают несостоятельности их учения.

Так или иначе, но евразийское движение не было чем-то случайным и чужеродным в русском Зарубежье 20–30-х гг. Многие националистически настроенные группировки — сменовеховцы, младороссы и другие — были в том или ином отношении близки к евразийцам. Многие говорили о противостоянии Запада и Востока, о том, что русские призваны спасти мир от губительных западных влияний. Тем не менее центральный тезис евразийства был чужд большинству русских националистов, спасителем человечества должна была стать, по их убеждению, реальная русская нация, а не гипотетическая евразийская.

Что же касается истоков и причин революции, как их трактовали евразийцы, то тут точек соприкосновения с другими группами и течениями, особенно правого толка, было еще меньше. Правая эмиграция была убеждена, что революция есть не что иное, как результат заговора иностранных держав и «чужеродных элементов» внутри самой России.

Иначе смотрели на революционный катаклизм представители евразийства. Революция, с их точки зрения, воплотила в себе радикальный протест народа против того, что было создано Петром I, она была конечным следствием раскола нации, вызванного петровской реформой. Петр уничтожил фундамент, на котором покоилась внутренняя мощь России: ни одному из иностранных завоевателей еще не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и формировавшийся веками национальный уклад.

Г. Флоровский писал в 1922 г., когда он еще принадлежал к евразийскому движению, что Петр I перенял европейские начала, оставшиеся непонятными народу, поэтому русская революция — это суд над послепетровской Россией. Несколько позже Сувчинский развил эту мысль: русские крестьяне с готовностью приняли большевистский лозунг непримиримой классовой борьбы не только потому, что хотели отобрать земли у помещиков, немалую роль сыграло стремление освободиться от чуждого и непонятного народу культурного слоя. И здесь мы снова можем констатировать близость евразийства к революционному мировоззрению большевиков. Мы наблюдаем тот же прямолинейный детерминизм. Для большевиков 1917 г. — следствие феодально-капиталистической эксплуатации, для евразийцев — результат насильственной европеизации страны. Как и большевики, евразийцы свято верили в закономерность исторического процесса.

В сущности, «петербургская» Россия была обречена — вот тезис евразийцев. Эти авторы почти не упоминают о попытках преодолеть внутренние противоречия мирным эволюционным путем, например, о реформах Александра II или Столыпина. Вера в исторический детерминизм придавала их настроениям привкус фатальности: чему быть, тому не миновать. Против такой безучастной манеры рассмотрения событий выступил в 1927 г. В. Руднев, один из лидеров пар-

тии социалистов- революционеров, писавший о том, что у евразийцев не видно и следа возмущения красным террором, их интересует в большевизме лишь способность управлять государством.

Вместе с тем такой подход к революции и советскому режиму вызвал не только протест. Нужно сказать, что в этом смысле евразийство не так уж сильно отличалось от позиций некоторых своих оппонентов, таких, как Бердяев, Степун, Федотов и другие. И Федотов, и Бердяев рассматривали революцию тоже как закономерное следствие раскола, произведенного в России реформами Петра. В 1924 г. Бердяев говорил (повторяя многих), что пропасть между высшим слоем и простым народом в России велика, как ни в одной другой стране. По словам Федотова, со времен Петра народ в России перестал понимать свое собственное государство, его политические цели, его идеологию. Владимир Вейдле, в целом занимавший позицию, противоположную евразийству, сравнивал изгнание и уничтожение европеизированного высшего слоя после революции с изгнанием варягов из Руси. Несмотря на критику некоторых аспектов европеизации авторы, в отличие от евразийцев, все-таки считали петровские реформы единственно возможным путем развития России. Сближение с Западом убергло страну от полного застоя: без импульсов Запада не было бы большей части достижений России 20-го столетия.

Анализируя русскую революцию, евразийцы подчеркивали, что она не ограничивалась спонтанным протестом народных слоев против творения Петра.

Парадоксальным образом это народное восстание соединилось с движением, стремящимся продолжить петровский замысел. Ведь большевики ставили своей целью превратить отсталую Россию в передовое индустриальное государство. Однако решающее значение для успеха большевиков имели, по мнению евразийцев, не их далеко идущие абстрактные цели, а их ненависть к существующему порядку и дворянству. Это чувство полностью разделяли низшие слои населения.

Исход революции и гражданской войны евразийцы рассматривали как компромисс между большевиками и русским народом. Народ принял единовластие большевиков, а большевики в значительной мере отказались от своих утопических планов. Революция, задуманная большевиками как путь к окончательной европеизации России, привела к ее деевропеизации. Из двух сил, совершивших революцию, русский народ возобладал, это он навязал свою волю большевикам, а не наоборот. В особо заостренной форме эта мысль выступает в программном труде нескольких авторов «Евразийства» (1926). Там говорится, что русский народ воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своей страны.

Не следует забывать, что эти высказывания относятся ко времени нэпа. «Временное отступление», как его называл Ленин, заставило евразийцев, да и другие группы эмигрантов, усомниться в силе большевистского режима. Отсюда и тезис о том, что режим является инструментом в руках «народа». Народ, рассуждал В. Львов, один из представителей евразийства, укрепляется в сознании своей собственной силы с тех пор, как он добился у правительства экономических уступок, слабость правительства придает отваги оппозиционным силам, идут поиски альтернатив большевизму. Не настало ли время для евразийцев предложить свою программу в качестве такой альтернативы?

Смелость, с которой евразийство обрушилось на многие правые и левые стереотипы мышления, непочтительность по отношению к священным традициям, блеск и натиск — все это делает понятным его первоначальный успех. То обстоятельство, что евразийцам приходилось сражаться сразу на нескольких фронтах, подводит нас к вопросу, какое место это течение занимало в идейно-политическом спектре тогдашней Европы.

Многих шокировало относительно терпимое отношение евразийцев к большевикам. Не зря Трубецкой иронизировал над критиками евразийства, определявшими его как синтез славянофильства и большевизма. Как подчеркивал Степун, евразийцы не только видят в большевизме некоторые положительные стороны, противопоставляя его западному либерализму, но подчас идут в своем осуждении европейских демократических институтов еще дальше. Впрочем, критическое отношение к демократии — европейское явление: например, немецкая молодежь так же не признавала демократического президента веймарской Германии, как евразийцы — Керенского. Видный член партии конституционных демократов И. Гессен утверждал, что евразийцы начинали скорее как правое движение, а затем все ближе сходились с ленинизмом. Кроме того, Гессен и некоторые другие привлекали для сравнения итальянский фашизм, триумфальное шествие которого завершилось захватом власти и установлением диктатуры Муссолини в 1922–1925 гг. (в русских кругах было немало поклонников *duce del fascismo*). По мнению Степуна, с итальянскими чернорубашечниками евразийцев сближает националистический и антидемократический дух, а также особого рода элитарная спесь: и те, и другие отвергают недавнее прошлое своих стран во имя великого наследия более древнего прошлого: и тем, и другим присущи имперские, геополитические амбиции.

Нужно сказать, что сами евразийцы не отрицали своего идейного родства ни с большевиками, ни с итальянскими фашистами. Об этом писал, в частности, и сам Н. Трубецкой. В упомянутом выше коллективном труде «Евразийство» фашизм оценивалось положительно — как попытка создать устойчивый противовес парламентарно-демократической системе. Фашистская революция, по мнению Трубецкого, уступает по своему историческому значению только революции большевиков в России. Оба государства, советское и итальянское, отвечают духу времени: демократия — реликт ушедшей либерально-позитивистской эпохи.

Яснее других евразийцы видели особую, ни с чем прежним не сравнимую роль идеологии в фашистском и коммунистическом государствах. Это и есть признак новой исторической эпохи: только великие идеи, пронизывающие все сферы жизни, выведут мир из современного кризиса. Идеи эти воплощаются в новую форму власти, которую евразийцы называли идеократией.

Относясь с уважением к большевизму и фашизму, идеологи евразийства не считали, однако, эти режимы «подлинными идеократиями». Политическая философия фашизма была, с их точки зрения, эклектической. Содержание этой философии сводилось к прославлению итальянской нации: более глубокой, духовной укорененности евразийцы в этой апологетике не находили. Фашизму не удалось создать контридеологию, способную конкурировать с большевистской.

Большевизм же, в свою очередь, не сумел создать подлинной альтернативы идеям, господствующим на Западе: так называемая пролетарская культура на деле является примитивным подражанием западной буржуазной культуре» и во-

обще большевики рассматривают Россию всего лишь как экспериментальное поле для осуществления европейских идей. «По Трубецкому, до 1917 г. русские самодержцы защищали консервативные и монархические силы во всей Европе, теперь большевики защищают и поддерживают европейские коммунистические партии. Это означает, что правители России, как и прежде, втягивают Россию в ненужные конфликты. На самом деле, разъяснял Трубецкой, у России нет ничего общего с политическими силами Запада, независимо от их окраски. Другой упрек большевикам был тот, что хотя они и спасли от распада Российскую империю, они не в состоянии обеспечить единство страны на длительное время (сейчас мы видим, что это предсказание сбывается). Гарантом российского единства на протяжении веков был, по Трубецкому, русский народ, он остается им и теперь, но растущее национальное сознание нерусских народов России делает непрочным монопольное положение русских. В этой связи Трубецкой критиковал русских шовинистов: не допуская компромисса с другими народами России, они ставят на карту прочность империи. Это может повести к сокращению Российского государства до великорусского ядра.

Время единовластного господства русских в России, писал Трубецкой, уже ушло, и ушло безвозвратно, большевики хорошо это поняли. Они нашли даже нового носителя российского единства: вместо русского народа — пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса. «Классовый подход» разжигает классовую ненависть и в конечном счете подрывает единство России. Не говоря уже о том, что национальные чувства рабочих, как полагал Трубецкой, куда сильнее их классовой солидарности. Если Россия хочет оставаться единым государством, она должна найти нового идеолога и носителя своего единства. Таковым должно стать евразийство, ставящее во главу угла то, что близко и понятно всем народам России — Евразии.

В этом состояло великое самообольщение евразийцев: им казалось, что евразийское движение способно сменить большевизм. Но как достичь этой цели? Вооруженную борьбу против советского режима, на чем в 1920-х гг. продолжали настаивать многие эмигрантские писатели и группы, евразийцы отвергли. Опыт гражданской войны убеждал их в том, что большевизм нельзя устранить силой оружия, евразийцы видели в нем выразителя воли народа. Нет, говорили они, преодоление большевизма возможно и необходимо путем эволюционного обновительного процесса, постепенного воздействия изнутри. Это не значит «приспособиться» к большевизму, как предлагали, например, сменовеховцы. В противоположность сменовеховцам евразийцы рассматривали себя не как союзников, а как конкурентов большевизма. Дело дошло до того, что Н. Чхеидзе в 1929 г. выразил надежду на превращение ВКП(б) в партию евразийцев. И он был не одинок. Все это показывает, как далеки были евразийские, философы и политики, от понимания природы советский тоталитарной власти, природы тоталитарных партий и режимов вообще, насколько эти идеологи недооценивали способность тоталитарного режима истреблять вокруг себя «все подрывные элементы», всякую тень инакомыслия.

Политическая наивность евразийцев лучше всяких доводов говорит о том, что у них не было, в сущности, ничего общего с большевиками или фашистами, отлично владевшими техникой современной неограниченной власти. Значитель-

но больше точек соприкосновения обнаруживается у евразийцев с другими «идеократическими» течениями, которые возникли между двумя мировыми войнами и точно так же провозглашали максималистские идеи, вполне пренебрегая вопросом о власти. Особенно поразительно сходство евразийства с так называемой консервативной революцией, которая сыграла роль в истории Веймарской республики в Германии.

С этим политическим течением, противопоставившим себя либерализму и демократии и представленным несколькими блестящими именами (О. Шпенглер, Э. Юнгер, А. Меллер ван ден Брук), евразийцев сближала прежде всего стратегическая идея — овладеть изнутри тоталитарной партией, с тем чтобы привлечь ее приверженцев к осуществлению своих собственных целей. Вообще отношение евразийцев к большевизму очень напоминает позицию идеологов «консервативной революции» по отношению к национал-социализму,

Определенный параллелизм заметен в политической структуре обеих доктрин. Оба течения носили подчеркнуто тоталитарный, «аристократический» характер: оба основывались на вере во всемогущество идей. Евразиец Савицкий писал в 1923 г. о том, что народы будут управлять идеями, а не учреждениями, что коммунизм можно преодолеть лишь при помощи другой, еще более высокой и всеобъемлющей идеи. Подобные высказывания о власти идей могли бы принадлежать к таким ведущим представителям «консервативной революции», как Г. Церер, М. ван ден Брук или Э. Юнг, убитый в 1934 г. во время путча Рэма. Так же как немецкая «консервативная революция», движение евразийцев было восстанием молодежи против идей и целей старшего поколения. Ко времени возникновения евразийского движения Трубецкому было всего 30 лет. Савицкий и Сувчинский были еще моложе. И в обоих случаях — как у немцев, так и у русских — восстание молодых принимало неожиданные, нетрадиционные формы. В XIX в. было обычным делом, что сыновья оказывались левее отцов. После событий 1917–1918 гг. это правило не соблюдалось. Теперь сыновья нередко правее своих отцов — либералов или умеренных консерваторов. На это обстоятельство указывал Трубецкой, одновременно подчеркивая, что речь идет отнюдь не о реставрации, не о тоске по старине. Нужны новые пути, ибо традиционные — левые — идеологи потерпели фиаско. Новые идеологи, писал Трубецкой, в действительности ни левые, ни правые, ибо они находятся в иной плоскости отсчета. Радикально новое есть не что иное, как обновление глубокой древности, другими словами, новая идеология ориентирована не на вчерашний день. Евразийцы отвергают петербургскую Россию во имя Святой Руси. Правые лишь по недоразумению считают евразийцев своими союзниками, утверждал Трубецкой. Их идеал — бюрократическая империя Николая I или Александра III, а это ничего общего с евразийством не имеет.

Время расцвета евразийства — это одновременно и время расцвета идей «консервативной революции»: 1920-е гг. Только что закончившаяся мировая война была событием, в котором консервативные революционеры видели начало новой великой эпохи. От войны они ожидали радикального обновления общества, возможность начать все заново. Для евразийцев же роль мировой войны сыграла русская революция. В 1920-х гг. национал-социалистическая диктатура еще не обозначилась на политическом горизонте, сталинская диктатура только начала вырисовываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не

успела принять отчетливый тоталитарный облик, еще казалась «экспериментальной». Это был звездный час идеократических движений, стремившихся улучшить мир с помощью контролируемых движений.

Конечно, между евразийством и «консервативной революцией» существовали немалые различия. Например, в учении евразийцев очень важное место занимала религия. Трубецкой и его последователи стремились не только к восстановлению национального величия России, но и религиозному обновлению. Для большинства же консервативных революционеров Германии религия имела значение.

Чувство уязвленного национального самолюбия — вот что доминировало в их политическом мировоззрении и отодвигало на второй план все другие духовные вопросы. По-разному относились евразийцы и консервативные революционеры к насилию, хотя евразийцы считали революцию и гражданскую войну неизбежным, они, несомненно, были далеки от того, чтобы благословлять насилие и террор. У евразийцев почти не встречается эстетизация насилия, типичная для многих идеологов и певцов «консервативной революции». Наконец евразийцы, в противоположность консервативно-революционным группировкам, действовали вне пределов своей страны, их проповедь никак не влияла на ее развитие. Правда, евразийцы придавали большое значение тому, чтобы их не воспринимали как «обычную» эмигрантскую организацию. Они внимательно следили за развитием событий внутри Советского Союза, «им даже казалось, что их идеи находят отклик.

Желание участвовать в политическом развитии новой России было у некоторых евразийцев настолько сильным, что они впадали в тот же соблазн, за который сами еще в середине 1920-х гг. порицали сменовеховцев. Их отношение к большевистскому режиму становилось все менее критическим. По этому вопросу возникли резкие разногласия, которые в 1929 г. привели к расколу движения. В Париже возникло просоветское крыло евразийцев под руководством С. Эфрона и Д. Святополк-Мирского, объединившееся вокруг журнала «Евразия».

Когда в начале 1930-х гг. в СССР развернулась индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, евразийцы были очарованы гигантским размахом этих преобразований. Евразиец Пейль писал в 1933 г. о триумфе новой эпохи и централизованной плановой экономики, пришедшей на смену устарелому хаотическому ведению хозяйства. Для Савицкого это означало конец подражания Западу. В России возникла грандиозная общественно-экономическая мысль, которая в конце концов завоюет Запад (стоит сравнить с этим «тотальную мобилизацию» и грезы о государстве рабочих и воинов Э. Юнгера).

Кончились 1920-е гг., кончилось и время идеологических экспериментов. Кончилась юность самих евразийцев. Их претензии, как и претензии консервативных революционеров, повлиять «изнутри» на сталинский режим обнаружили свою утопичность. Слепое послушание и безоговорочное принесение себя в жертву тоталитарному государству были принципами, на которых строились эти режимы. Таким политическим силам, как евразийцы или консервативные революционеры, там не было места. Вскоре после окончательной победы Сталина и Гитлера оба движения распались.

Тем самым мы ответили на вопрос о причинах крушения евразийского движения: это крушение было связано с триумфом тоталитарных диктатур — сталинской и (косвенно) нацистской. Другая причина состоит в том, что эти люди пропагандировали содружество народов в то время, когда шовинистические настроения во всей Европе росли и достигли небывалой интенсивности. Евразийцы резко выступали против национального партикуляризма и сепаратизма отдельных народов бывшей царской империи, расхваливали духовные экономические и политические преимущества объединенной Евразии», между тем как в самой эмиграции представители нерусских народов России видели в этом (и, может быть, не без оснований) лишь новую форму русского великодержавия. Тщетно князь Трубецкой атаковал великорусский шовинизм: национализм в русском Зарубежье лишь усиливался на протяжении десятилетия, о котором идет речь, не говоря уже о том, что для большинства евразийцев само собой подразумевалось, что роль гегемона в евразийской федерации возьмет на себя русский народ. Что же касается резонанса, который евразийская идеология могла бы получить в Советской России, то о нем говорить не приходится: страна все более отгораживалась от проникновения идей, исходящих от Зарубежья.

С другой стороны, неудача евразийцев была обусловлена и тем простым обстоятельством, что их учение оказалось чересчур сложным для большинства русской эмигрантской молодежи, к которой они в первую очередь апеллировали. Евразийство осталось концепцией философов и ученых, в движении не было достаточного количества политических агитаторов, которые бы распространяли и популяризировали эту концепцию. Чтобы понять масштабы евразийской историософии и философии культуры, требовалось некоторое интеллектуальное напряжение. Между тем евразийцы выступили в эпоху господства идеологического упрощенчества. В борьбе за влияние на эмигрантскую молодежь они уступили более напористым группам с менее притязательной идеологией — таким, например, как младороссы под руководством Казем-Бека или Национальный союз молодого поколения (будущий НТС).

Сходство между евразийцами и немецкими консервативными революционерами показывает, что, несмотря на отрицание Запада, идеологические и политические установки евразийства соответствовали определенным западным явлениям. Идеи евразийцев были симптомом не только российского, но и общеевропейского кризиса. Да и сами евразийцы, подобно русским славянофилам XIX в., по своим духовным устремлениям были значительно ближе к западным европейцам, чем к своим соотечественникам. Большинству тогдашней советской интеллигенции, независимо от того, знала она или нет о существовании евразийства, были вполне чужды порывы и апелляции к «святой Руси», поиски утерянных корней и т. д. В 1920-е гг. в России безраздельно господствовали оптимистические взгляды будущее, вера в науку, преклонение перед техникой, пессимизм же евразийства отражал, по сути дела, скорее западные, чем внутривосточные процессы и умонастроения. Это же можно сказать о критике парламентарной демократии: и здесь евразийцы опирались не на русский, а на западноевропейский опыт.

Вопреки ожиданиям евразийцев, послереволюционная Россия в культурном отношении обратилась вовсе не к Востоку, но по крайней мере отчасти опиралась на культурные ценности, созданные в петербургский период, и прежде всего на русский XIX в. Таким образом, тезис евразийцев о неотразимой притягатель-

ности западной культуры подтверждает свою правоту: вопреки пророчествам о закате Европы победное шествие европейских идей продолжается по сей день.

Литература

1. Люкс Л. Государство правды / Л. Люкс // Страна и мир. 1988. № 6. С. 120–131.

EURASIANISM

Leonid Lux

Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Catholic University,
26 Ostenshtrase St., Aixthent 85072, Germany
E-mail: leonid.luks@ku-eichstaett.de

The article deals with the problems of Eurasianism, its origins, genesis, and ways of development. We have noted that the original feature of Eurasianism is a special emphasis on the Asian component of Russia, and proposed to revise the traditional view of the Tatar-Mongol yoke. The role of Russia as a European power was denied, the West was subjected to accusations of selfishness, assertion of sovereign individual rights, and Ancient Rus was idealized. At the same time there were critics of Eurasianism's ideas. Many well-known Russian intellectuals asserted that Europeanism and the Asian beginning are two constituent parts of Russia, that the rapprochement of the last with the West saved Russian culture from complete stagnation: without the impulses of the West, the cultural achievements of nineteenth-century Russia would be unthinkable. We analyzed the attitude of the representatives of Eurasianism to the revolution, Bolshevism, and socialist construction and revealed the causes of the Eurasian movement collapse, which are rooted in the triumph of totalitarian dictatorships and Great Russian chauvinism. In conclusion, it was noted that, contrary to the expectations of Eurasianists, post-revolutionary Russia culturally appealed not to the East, but to the values borrowed in Western culture.

Keywords: Eurasianism; Russia; East; West; culture; emigration; revolution; Slavophilism; Bolsheviks; Trubetskoy; ideocracy.